

Чи Мянью опустил голову и молча наблюдал за действиями Юнь Шу:

— ...

Помолчав с полминуты, Чи Мянью внезапно позвал:

— Система.

Система тут же откликнулась:

— Я здесь.

Он произнес глухо:

— В тот момент, когда появилась молния, ты видел? У него нет голени.

— Видел, — ответила Система.

— И еще у него не хватает руки.

— Да.

— Рана на его шее все еще кровоточит.

Система невозмутимо отозвалась:

— Похоже, кто-то его полоснул, но рана еще не успела до конца затянуться.

— А там, где обрубок, кажется, что-то розоватое, смешанное с кровью, шевелится.

— О, это его клетки самовоспроизводятся.

Чи Мянью внезапно не нашелся, что ответить.

Заметив, что Чи Мянью замолчал, Система поинтересовалась:

— Что-то случилось?

Система, по всей видимости, не осознавала, насколько шокирующим для обычного человека может быть зрелище: дождливая ночь, глубокая полночь, а перед тобой сидит в луже крови человек без конечностей, с кровоточащей шеей.

Особенно когда этот человек склонил голову набок и, не мигая, смотрит на тебя с улыбкой.

Такую абсурдную жуть не скроет даже самая ослепительная и порочная красота.

Чи Мянью почувствовал усталость:

— Ничего, просто хотел тебя окликнуть.

— Понятно, — тупо ответила Система.

Чи Мянью вежливо улыбнулся.

А с другой стороны, видя, что Чи Мянью долго не отвечает и никак не реагирует, Юнь Шу не

выдержал и спросил снова. Его голос был все таким же нежным и надтреснутым, но в глазах, скрытых в тени, промелькнул холод, а недовольство не было скрыто:

— Друг, почему ты замолчал?

Юнь Шу ослабил хватку на поле одежды Чи Мяня, пальцы его словно соскальзывали, а опущенные ресницы слегка дрожали. Голос звучал подавленно:

— Ничего страшного, я понимаю. В такую ночь правильно не соглашаться на просьбы незнакомца.

Он прикусил губу, и его ярко-алые губы заметно побледнели:

— Иди, оставь меня здесь одного, со мной все будет в порядке.

Голос Юнь Шу становился все тише, и в конце слышались едва уловимые всхлипы.

Чи Мянь:

— ...

Он опустил взгляд на край своей одежды, который все еще крепко сжимал незнакомец, и не нашел слов.

Раз уж так говоришь, то отпусти!

Он мысленно глубоко вздохнул и заставил себя собраться.

Ничего страшного, ничего. Подумаешь, соревнование в актерском мастерстве, он справится.

Чи Мянь крепче сжал зонт, а рука, на запястье которой висел пластиковый пакет, потянулась было к Юнь Шу, но, что-то вспомнив, он сдержанно отдернул её. В его голосе зазвучала едва скрываемая паника:

— Нет, что ты! Я просто... я просто слишком разволновался. Юнь Шу, ты... ты правда хочешь пойти со мной?

Услышав дрожащий от волнения голос и увидев, как рука собеседника потянулась к нему и замерла, Юнь Шу удовлетворенно улыбнулся, в его глазах читались гордыня и торжество.

Он медленно приоткрыл губы, и в нежном голосе проскользнула легкая печаль:

— Да. Я ранен, и если оставлю меня здесь одного... я умру.

— Поэтому, — Юнь Шу поднял взгляд, и в его черных, как омут, лисьих глазах застыла мольба, а в глубине блеснули слезы, — ты не мог бы забрать меня домой?

— Верю, что такого доброго человека, как ты, — Юнь Шу мягко улыбнулся, — Господь обязательно благословит.

Не мог бы.

И к тому же, я не католик.

Хотя Чи Мяню очень хотелось это сказать, он знал, что нельзя.

Стоит ему произнести такое — и его образ будет разрушен. А если серьезно, если Юнь Шу поймет, что его странная аура не действует на Чи Мяня, то он немедленно станет объектом пристального наблюдения. Или же Юнь Шу просто убьет его как аномалию, чтобы не оставлять свидетелей.

В том, что Юнь Шу способен на такое, сомневаться не приходилось.

Поэтому, даже против воли, пришлось изобразить крайнюю радость.

Чи Мянь закивал:

— Конечно, конечно! Для меня это честь!

— Но... — Чи Мянь замялся, покусывая губы, — как мне тебя донести... И, может, тебе все же нужно в больницу?

Он оглянулся назад, опустил глаза и сжал ручку зонта, словно в нерешительности:

— Как ни крути, до дороги еще идти и идти, а чтобы поймать такси, нужно выбраться из переулка, но...

Юнь Шу ответил с досадой:

— Нет, я не хочу в больницу. Да и в таком состоянии я вряд ли смогу идти сам.

Он медленно разжал свои длинные, бледные, узловатые пальцы, которыми держался за одежду Чи Мяня, и потянулся к завязкам его толстовки.

Юнь Шу слегка потянул, приближая Чи Мяня к себе, и склонил голову к его уху.

Он дунул на ушную раковину, и его голос прозвучал вкрадчиво и вязко:

— Друг, обними меня. Неси меня до самой дороги.

С того самого момента, как Юнь Шу коснулся завязок, брови Чи Мяня сдвинулись к переносице, а губы сжались в тонкую линию. Взгляд за стеклами очков стал холодным, а в глазах, скрытых тьмой, затаились неясные эмоции.

Хотя ему хотелось немедленно, прямо сейчас сбежать от этого наглого субъекта, ради сохранения образа и безопасности пришлось подавить этот порыв.

Но не успел он успокоиться, как Юнь Шу снова дунул ему в ухо. Это чуть не вывело Чи Мяня из себя окончательно.

Несмотря на то, что он изо всех сил внушал себе, что перед ним не человек, ощущение влажного тепла на коже заставило внутренности болезненно сжаться.

Пользуясь темнотой, Чи Мянь перестал скрывать неприязнь, которая буквально выплескивалась наружу.

К счастью, прежде чем он окончательно сорвался, Юнь Шу, видимо, самому не понравилась эта близость, и он отстранился.

Хотя дистанция была восстановлена, Чи Мянью всё еще казалось, что кто-то шепчет ему прямо в ухо.

Взгляд его похолодел.

Как же противно.

Это отвращение было вызвано не чем-то конкретным, а лишь тем, что рядом находилось нечто живое, нарушающее его личное пространство.

В то же время, даже в темноте, Чи Мянью чувствовал на себе липкий, изучающий взгляд.

Он прикусил губу, уши его слегка покраснели, и он произнес с притворной застенчивостью:

— М-можно?

Юнь Шу скользнул равнодушным взглядом по покрасневшим ушам Чи Мянью, склонил голову и мягко улыбнулся:

— Конечно, можно.

Не дожидаясь ответа, он добавил:

— Только я не люблю, когда меня касаются, так что, друг, обнимай меня через одежду.

Чи Мянью наконец выдохнул. Он был готов пойти на риск и разрушить образ, лишь бы Юнь Шу передумал, но тот сам предложил выход.

Даже если Юнь Шу не был полноценным человеком, Чи Мянью не терпел никакого физического контакта.

На самом деле, не только Чи Мянью избегал прикосновений — Юнь Шу был таким же.

В его глазах он был слишком благороден, чтобы всякие ничтожества смели касаться его. Если бы он мог ходить самостоятельно, он бы ни за что не позволил никому дотронуться до себя, даже через ткань.

Как эти глупцы вообще смеют?

От места, где сидел Юнь Шу, до дороги было приличное расстояние.

Теперь Чи Мянью, завернув Юнь Шу в свою куртку, с трудом тащил его к выходу из переулочка. О, нет, теперь Юнь Шу был даже ниже его на полголовы.

Он шел и мысленно проклинал всё на свете:

— Зачем я вообще поперся в такую глушь посреди ночи? Зачем согласился тащить этого проблемного типа? Почему я должен нести его, а он такой тяжелый?

Почему...

От Чи Мянью исходила аура полнейшей безнадеги.

Жизнь, прожитая так, не стоила и ломаного гроша.

Система добродушно напомнила:

— Потому что вы должны выжить.

Чи Мянь улыбнулся:

— ...А я хочу умереть.

Заметив, что Чи Мянь всю дорогу молчит, Юнь Шу пошевелил рукой, лежащей на плече Чи Мяня, и, покрутив зонт, посмотрел на парня.

Его взгляд прошелся по лицу, которое в темноте было трудно разглядеть, задержался на маленькой родинке на переносице и наконец остановился на бледных губах.

Через некоторое время он, словно из любопытства, мягко спросил:

— Друг, почему ты один так поздно?

Чи Мянь крепче обхватил Юнь Шу за талию, его уши снова покраснели, а голос дрогнул:

— Вышел купить поесть, потом погулял немного, а когда собрался возвращаться, метро уже закрылось.

Чи Мянь оглянулся на темный переулок и опустил глаза:

— Отсюда до дома недалеко, я решил срезать через переулки, но не ожидал встретить тебя...

Юнь Шу тихо рассмеялся, неясно, поверил он или нет:

— Вот как.

Он тоже посмотрел в сторону темного переулочка, откуда доносились слабые, вязкие шорохи. Юнь Шу слегка цыкнул.

Жаль, что останки не прибрали.

Скоро здесь появится еще несколько подделок.

Не обращая внимания на будущих «двойников», Юнь Шу, видимо, решив, что стеснительный Чи Мянь довольно забавен, продолжил беседу:

— Друг, ты не находишь, что я выгляжу странно?

Чи Мянь ответил запинаясь, хотя и с сомнением, но честно:

— Кажется... немного...

Юнь Шу вкрадчиво спросил:

— А что именно кажется странным?

— Твои ноги, рука...

Юнь Шу равнодушно взглянул на свои регенерирующие раны и небрежно ответил:

— Это всего лишь отсутствие некоторых тканей организма. Разве это не нормально?

Чи Мянь засомневался:

— Нормально?..

— Конечно. — Юнь Шу придвинулся ближе, прошептал ему на ухо, и его глаза потемнели: — Это как с игрушками. Люди тоже могут ломаться, это нормально. Починить — и готово. Так что отсутствие некоторых частей тела — это вполне естественно, не так ли?

Чи Мянь на мгновение замер, словно под гипнозом:

— Кажется... да.

— Умница, — Юнь Шу удовлетворенно улыбнулся, его взгляд был затуманен. — Это совершенно нормально.

Два часа ночи, квартира Чи Мяня.

Чи Мянь смотрел, как Юнь Шу развалился на диване, осматриваясь так, будто он у себя дома, и растерянно спросил:

— Эм, ты хочешь сначала переодеться или...

Чи Мянь указал на жуткие раны:

— Сначала перевязать раны?

Юнь Шу лениво отвел взгляд от интерьера, посмотрел на свои раны и небрежно бросил:

— Не обращай внимания. Куда важнее сменить одежду на чистую.

Он опустил глаза на свою пропитанную кровью и дождем одежду с нескрываемым отвращением:

— Выгляжу жалко.

Достигнув цели, Юнь Шу отбросил маску слабости и показал свое истинное, высокомерное лицо.

Не успел Чи Мянь принести одежду, как Юнь Шу выдал список новых требований:

— Я хочу пить, друг, принеси воды.

Улыбка на лице Чи Мяня оставалась безупречной:

— Хорошо.

— Мне нужно в душ. Подготовь воду и чистую одежду. Заметь, новую, которую никто не носил.

Чи Мянь продолжал улыбаться:

— Хорошо.

— После душа я хочу отдохнуть. Прибери постель, и смени все постельное белье на новое. Не люблю чужие вещи.

Чи Мянь вежливо улыбнулся:

— Но у меня всего одна комната...

— Ничего страшного, — нежно улыбнулся Юнь Шу. — Отдай свою комнату мне, я не против.

Чи Мянь почувствовал, что всё его самообладание вот-вот рухнет из-за этого наглого и невыносимого типа.

Он опустил глаза и сжал губы:

— Но тогда мне негде будет спать...

— Ничего, — Юнь Шу улыбнулся с пониманием. — Можешь поспать на диване. Я не против, если ты поспишь там, где сидел я.

Чи Мяню очень хотелось выругаться:

— ...А я против.

Видя, что Чи Мянь все еще мнетя, Юнь Шу притворно схватился за сердце и прошептал:

— Неужели ты хочешь, чтобы больной человек спал на этом холодном, узком и неудобном диване?

— Нет-нет! — Чи Мянь замахал руками. — Я просто думал, осталось ли у меня новое постельное белье.

— Вот как, — Юнь Шу прищурился и подался к Чи Мяню. — А я уж подумал... что ты не хочешь.

— Ни в коем случае! — заверил Чи Мянь. — Юнь Шу, я счастлив, что ты останешься, для меня это честь!

Юнь Шу снова надел маску фальшивой нежности, кивнул и удовлетворенно произнес:

— Разумеется, это честь для тебя.

Чи Мянь:

— ...Руки чешутся.

Спустя мгновение Чи Мянь словно что-то вспомнил и тихо спросил:

— Кстати, Юнь Шу, почему ты лежал там посреди ночи? И почему ранен...

Юнь Шу не сразу ответил, пристально глядя на него:

— Друг, почему тебя так интересуют мои дела?

— Нет-нет, я просто... просто беспокоюсь о тебе.

— Вот как, — тон Юнь Шу стал высокомерным. — Ну что ж, могу рассказать.

В его голосе сквозили отвращение и презрение:

— Просто по неосторожности попался в лапы грязным тварям из сточной канавы. Убийство, расчленение... Пф, до чего скучные методы.

Чи Мянь замолчал:

— ...

Это вообще то, что мне положено слышать?

<http://bllate.org/book/21484/2198770>